

Сегодня гость нашей 13-й страницы — Фикрет АМИРОВ, депутат Верховного Совета СССР, кандидат в члены ЦК Компартии Азербайджана, член-корреспондент Академии наук Азербайджанской ССР. Фикрет Джамильевич — Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, народный артист СССР, секретарь Союзов композиторов СССР и Азербайджана. Широк его авторский диапазон: от песен, романсов, обработки народных мелодий до вариаций, концертов для фортепиано, для скрипки, для виолончели с оркестром, музыки к кинофильмам, симфоний, сонат, сюит, балетов, опер.

— Фикрет Джамильевич, у вас так много ответственных государственных и общественных обязанностей; как вы сочетаете их выполнение с композиторским творчеством, сочинительством музыки?

— Участие в работе сессий Верховного Совета СССР, съездов нашей Компартии, пленумов ее Центрального Комитета вырабатывает масштабность мышления, укрепляет идейные позиции. И знаете, я четко ощущаю, как эта многообразная работа обретает воплощение в моей музыке... Постоянное, в течение многих лет, общение с избирателями — не только обязанность: оно обогащает меня, придает все новые импульсы в творчестве. Стараюсь глубже вникать в дела, заботы, надежды людей, которые ко мне обращаются. Конечно, главное — выполнить указы избирателей; оказать помощь, поддержать хорошую инициативу; но благодаря этому и человеческие характеры, да и вообще жизнь во всех ее проявлениях открываются для меня новыми гранями и красками. Все увиденное, прочувствованное, пережитое переплавляется в творчестве... Ну, а как секретарь Союза композиторов я, естественно, нахожусь в самой гуще нашей музыкальной жизни. Это позволяет вовремя, без опоздания увидеть, как зарождаются и набирают силу новые явления и процессы в мире музыки, активно поддерживать молодых (а я по себе знаю, как бывает нужна молодому человеку помощь — заботливая и одновременно взыскательная).

— Вы сказали: «По себе знаю». Нельзя ли чуть подробнее о собственном опыте в этом смысле?

— Охотно. Но придется начать издали. Мы, Амировы, — выходцы из Шуши, древнего культурного центра Нагорного Карабаха, из города, который когда-то называли «консерваторией Востока». Мой отец, музыкант Мешади Джамиль Амиров, помог мне познать изначальные законы гармонии. Он организовал первую музыкальную школу в Гяндже (ныне Кировабад) и был ее директором до конца дней своих. Я учился в этом училище по классу тара (наш народный инструмент). Но кто знает, как повернулась бы моя жизнь после кончины отца, если бы в 1938 году, когда мне было шестнадцать, моя мать не встретила случайно в Баку прославленного азербайджанского певца Бюль-Бюля. Послушав мою игру на таре, поговорив со мной, Бюль-Бюль отвел меня к самому Узеиру Гаджибекову, основоположнику азербайджанской профессиональной музыки,

и представил ему со словами: «Вот что оставил нам в память о себе наш Мешади Джамиль...». Благодарю судьбу за подаренное мне в пору юности счастье общения с этими замечательными людьми! Их нравственное совершенство, их яркое творчество долгое время были пищей моему сердцу и уму. Они направляли мои юношеские дерзания, поддерживали мое стремление отойти от устоявшихся канонов...

— Можно какой-нибудь конкретный пример?

— Пожалуйста. Идею перевести наш древний фольклорный жанр — мугам — на язык симфонического оркестра Бюль-Бюль не только мне подсказал, но и, заведя фольклорным кабинетом при Бакинской консерватории, привлек к этой моей

органично лег на симфоническую партитуру.

— Вы доказали, что каноны мугама естественно вписываются в современную музыкальную систему. Как же вам это удалось, совсем молодому и неопытному?

— Ну, не такому уж неопытному. Ведь эта работа длилась не один день и не один месяц. Я одновременно писал и что-то еще. Будучи студентом консерватории, сочинил струнную симфонию «Низами», которая почти сразу же была исполнена в Москве Государственным симфоническим оркестром СССР. Затем написал сонату, две оперетты — «Похитители сердец» и «Радость пришла», камерно-инструментальные произведения, вариации, произведения в жанре концерта. И по-прежнему легко чувствовал себя с таром

принципы тем не менее воплотились в моих симфонических мугамах «Шур» и «Кюрд овшары», они перекинули мостик к европейскому симфонизму. Знаете, что написал мне Леопольд Стоковский? «Дорогой маэстро Амиров! Мы исполнили ваши мугамы в Хьюстоне и Техасе; публика и оркестр с восторгом приняли вашу музыку». А мою струнную симфонию «Низами» в зале «Ройал фестивал» исполнил Лондонский симфонический оркестр, которым в тот вечер управлял наш дирижер Геннадий Рождественский; на следующий же день один из столпов современной английской музыки Алан Буш пригласил меня вместе прослушать его симфонию «Байрон»...

— Кого еще из крупнейших исполнителей привлекли ваши произведения?

— Их превосходно интерпретировали Ниязи, Евгений Светланов, Натан Рахлин, Леопольд Стоковский, Шарль Мюнш, Герман Абендрот, Ганс Рогнер... Но особая страница в моей композиторской судьбе — творческая дружба с Геннадием Рождественским. Вот поистине дирижер-энциклопедист! Уже двадцать лет он постоянно исполняет мои вещи, глубоко влияя на мою работу... Хотел бы также назвать имя моего первого учителя в консерватории — профессора Бориса Зейдмана; сказать о творческом общении с Шостаковичем, Хачатуряном, Кара-Караевым... А в последние годы сложилось сотрудничество с балетмейстером Наилей Назировой и художником Тогрулом Нариманбековым, которое с головой увлекло меня в мир хореографии.

— Содружество, в котором родился балет «Тысяча и одна ночь», отмеченный Государственной премией СССР?

— Да, это наше общее детище.

— Фикрет Джамильевич, по-видимому, и в вашей семье музыка — дело каждого? Можно судить об этом хотя бы по выпущенному недавно фирмой «Мелодия» «семейному» диску, где соседствуют ваша симфония «Низами» и поэма для камерного оркестра, написанная вашим сыном Джамилем Фикретовичем.

— Ну, что же, такое соседство на одной пластинке вовсе не случайно. Джамиль тоже тяготеет к фольклору. Однако у него свои взгляды, свое, довольно своеобразное мышление. Организованный им эстрадно-фольклорный ансамбль «Гобустан» еще раз подтверждает мысль о неисчерпаемости народного творчества и неисчерпаемости возможностей осмыслить фольклор, создававшийся столетиями.

— Не потому ли многие ваши произведения обращены в прошлое — мугамы, «Сказание о Насими»?

— А многие — в современность! Например, балет «Похитители Каспия», представленный делегатам XXV съезда КПСС. Или «Реквием-поэма», посвященная моим однополчанам, павшим в боях Великой Отечественной войны. Ведь я с ноября сорок первого был в действующей армии — рядовым войск связи; последствия тяжелой контузии, полученной на Воронежском фронте в 1942 году (почти рядом разорвался снаряд), ощущаю до сих пор... Я видел свой неотложный долг в том, чтобы средствами музыки выразить свое отношение к товарищам по оружию и признательность человечества советскому Воину-освободителю.

— Говоря о современности произведений, вы, безусловно, правы. В сущности, современна и ваша опера «Севиля». Как вы работали над ней?

— Обратиться к одноименной пьесе Джафара Джабарлы мне посоветовал писатель Мирза Ибрагимов. Между прочим, в начале тридцатых годов я сыграл в драмтеатре города Гянджи роль Гюндуза, сына Севиль. А спустя четверть века, работая над оперой, назвал именем героини свою новорожденную дочь... В музыке оперы я старался сохранить основную идею пьесы — идею борьбы женщин Востока за свои права, борьбы новой, пролетарской культуры с отжившими представлениями и нравами. События, происходящие в пьесе (и в опере), характерны для стран Востока, избравших путь социализма, где перед гражданами открывается дорога к активной деятельности в любой сфере производства и общественной жизни... Так это обращение к прошлому в любом виде искусства, в том числе и музыке, отнюдь не означает ухода от современности. Над чем бы художник ни работал, все зависит от его идейной позиции.

— Кстати, над чем вы трудитесь сейчас?

— Заканчиваю балет «Низами». Это третье мое обращение к личности титана азербайджанского ренессанса. В основе балета триптих; первая часть раскрывает тему «поэт и власть», вторая — «поэт и любовь», третья — «поэт и лира».

— А как вы работаете? Мы имеем в виду вашу, так сказать, «технологию».

— Работаю отрешенно! Целиком погружаюсь в музыку. И в такие периоды живу — в самом прямом смысле слова — только за роялем. Плохо представляю, о чем в это время мне говорят жена Аида, сын, дочери, внуки. Такое ощущение, будто, кроме процесса сочинительства за инструментом, у меня никакой другой жизни в такие периоды нет. Быть может, это смахивает на одержимость, но я иначе не могу, не умею.

— Однако бывают же, вероятно, и периоды творческой «разгрузки»? Тогда вы, наверное, обращаете внимание на свой стол?

— Азербайджанскую кухню предпочитаю любой другой. А ведь я объездил полсвета, многое попробовал, есть из чего выбирать.

— И чем еще на досуге занимаетесь?

— Всем, чем угодно! Хожу на новые (и на старые) спектакли, смотрю фильмы, спортивные соревнования. Люблю фигурное катание, художественную гимнастику, конный спорт; присущие им пластика и выразительность захватывают, завораживают меня. И, глядя на фигуристов, гимнасток, наездников, всегда сожалею, что с таким опозданием стал писать балеты...

Гостя расспрашивали
Кямал МАДАТОВ,
Самвел САВИН.

Нарисовал народный
художник СССР
Таир САЛАХОВ.

Композитор

Фикрет Амиров

работе знатоков азербайджанской народной музыки: тариста Курбана Примова и ханенде (певца-импровизатора) Сеида Шушунского... Идея, предложенная Бюль-Бюлем, буквально ослепила меня: симфонический мугам! То самое, что я тоже как-то ощущал, но еще неясно, смутно... Должно сказать, что мугам, вокально-инструментальный фольклорный жанр, насчитывает семьдесят ладов, и у каждого — свои особенности (и, между прочим, свое название). Мугам вошел в плоть и кровь многих народов Востока, это одна из своеобразных национальных форм мышления, в данном случае — музыкального... Почему же, размышляя я, не сделать наше специфическое музыкальное мышление достоянием других народов? И казавшийся архаичным мугам

в руках... В мире мугама мне открывались философия моего народа, его история, его поэтическая душа. Так музыкальные начала — европейское и восточное, русское и азербайджанское — сложились в единую полифоническую мелодию.

— Известно, что об этом сказал Дмитрий Дмитриевич Шостакович: «Богатейшим мелодическим даром обладает Фикрет Амиров. Мелодия — душа его творчества. Композитор широко использует фольклор».

— Горжусь оценкой великого мастера... Да, я стремился и стремлюсь сочетать самые современные музыкальные тенденции с национальной психологией, с эстетическими традициями наших отцов и дедов. Возможно, не совсем четко в годы юности осознанные мной, эти

